

СТАТУС МОРФОНОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ОБЪЕКТ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

Светлана Борисовна ИМ

Кандидат филологических наук, доцент. Кафедра современного русского языка
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан.

МОРФОНОЛОГИЯНИНГ ЛИНГВИСТИК ФАН СИФАТИДА СТАТУСИ ВА УНИНГ ОБЪЕКТИ

Светлана Борисовна ИМ

Филология фанлари номзоди, доцент. Замонавий рус тили кафедраси
Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети. Тошкент, Ўзбекистон

STATUS OF MORPHOPHONOLOGY AS A LINGUISTIC DISCIPLINE AND THE OBJECT OF ITS STUDY

Svetlana Borisovna IM

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Department of Modern Russian Language
Uzbek State World Languages University. Tashkent, Uzbekistan imsb1985@mail.ru

UDC (УЎК, УДК): 811.161.1

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Им С.Б. Статус морфонологии как лингвистической дисциплины и объект её изучения // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020. — № 1(30). — С.10–21.
<https://doi.org/10.36078/1583731189>

Received: December 12, 2019

Accepted: February 17, 2020

Published: February 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. В работе рассматривается роль таких морфонологических элементов в словообразовании, как ударение, альтернатива фонем при выборе суффиксов в деминутивном словообразовании, характер зависимости между ними. Традиционно принято считать, что русское словообразование агглютинативно, так как доминирующая роль принадлежит аффиксу, а ударение и альтернатива фонем ему подчинены. Русский язык фузионен по своим типологическим особенностям, так как именно в фузионных характеристиках, которые проявляют себя в виде чередования фонем, чередования ударения при склонении, спряжении и словообразовании, определяют типологические особенности русского языка. Поэтому в работе высказано предположение, что русское словообразование также фузионно. Фузионность находит своё выражение в том, что морфонологические характеристики производящего слова предсказывают выбор суффиксов, являющихся вариантами в рамках одной парадигмы алломорфов словообразовательного аффикса. Исследование показало, что ударение, альтернатива фонем и суффикс функционально равнозначны, так как суффикс также может задавать ударение и альтернант производного слова. Отсюда следует вывод, что альтернатива алломорфов суффиксов, равно как и альтернативы в основах, в том числе и правила выбора алломорфов, не являются объектами словообразовательного анализа, а относятся к морфонологии. Таким образом, гипотеза о функциональной равноценности ударения, чередования фонем и альтернативы аффиксов находит своё подтверждение в описании словообразования деминутивов мужского рода с суффиксами — **-ик, -ок (-ек), -ушек (-юшк, -ишек), -анёк (-енёк)**, что находит своё наглядное выражение в таблице выбора алломорфов суффикса.

Ключевые слова: морфонология, морфонема, ударение, чередование фонем, дифферентоид, алломорф.

Аннотация. Маколада морфологик элементларининг сўз шаклланишидаги ўрни, деминатив сўз ясада кўшимчаларни танлаш, урғу ва фонемаларнинг ўзгариши, улар ўртасидаги мутаносиблик кўриб чиқилди. Анъанага кўра рус тилидаги сўз ясаши агглютинатив деб ҳисобланган бўлиб, асосий вазифа аффиксга юкланган урғу ва фонемалар альтернативаси унга тобе деган фикр юритилган. Рус тили ўзининг типологик хусусиятлари бўйича фузион тил, чунки фонемалар алмашинови, турланишидаги фонемаларнинг ўзгариши, тусланиши ва сўз ясашида намоён бўлувчи фузион хусусиятлари рус тилининг типологик асосларини белгилаб беради. Шунинг учун маколада рус тилида сўз ясаши ҳам фузион деган ғоя илгари сурилади. Рус тилидаги фузионлик сўз ясовчи аффиксларининг битта парадигма доирасидаги алломорфларнинг варианти бўлган суффиксларнинг танлови ясалувчи сўзнинг морфонологик характеристикасида акс эттирилган. Таҳлил жараёни шуни кўрсатадики, урғу ва фонемалар, суффикслар тенг функционал аҳамиятга эга. Чунки суффикс ҳам урғу ва ясама сўз альтернативини кўрсатиб бериши мумкин. Бундан келиб чиқадики, суффиксларнинг алломорф альтернативаси сўз ўзагидаги альтернативага тенг бўлиб, шу жумладан алломорф танлашнинг қоидалари сўз ясаши таҳлилининг объекти бўла олмайди, чунки улар морфонологияга киради. Шундай қилиб, урғунинг функционал эквиваленти, фонемаларнинг ўзгариши ва аффиксларнинг алмашинови ҳақидаги гипотеза сўз шаклини мужской роддаги –ик –ок (ек) –ушек –(–юшк –ишек) –анёк (–енёк) суффиксларни ёрдамида деминутивларнинг ясаши тавсифида ўз ифодасини топган. Бу кўшимчалар алломорф суффиксининг танлаш жадвалида ўзининг визуал ифодасини топади.

Калит сўзлар: фузия; агглютинация; морфонологик элементлар; урғу; фонемалар альтернативаси; алломорф; аффиксация.

Abstract. The article considers the role of morphophonological elements such as stress, alternation of phonemes in the choice of suffixes in the deminutive word formation, and the nature of the relationship between them. It is traditionally believed that Russian word formation is agglutinative, since the affix dominates, and the stress and alternation of phonemes are subordinate to it. Russian language is fusional in their typological characteristics, as fusional characteristics that manifest themselves in alternation of phonemes, alternation of stress, declension, conjugation and derivation, define the typological features of Russian language. Therefore, the article suggest that Russian word formation is also fusional. Fusion is expressed in the fact that the morphological characteristics of the deriving word predict the choice of suffixes, which are variants within the same paradigm of allomorphs of the word-forming affix. The research showed that stress, phoneme alternation and suffix are functionally equal, since suffix can also specify the stress and the alternant of the derived word. Consequently, the alternation of allomorphs of suffixes, as well as alternations in word stem, including the rules for choosing allomorphs, is not an object of word-formation analysis, but relate to morphophonology. Thus, the hypothesis of functional equivalence of stress, phoneme alternation, and affix alternation is confirmed in the description of word formation of masculine diminutives with suffixes **-ик, -ок (-ек), -ушек (-юшк, -ишек), -анёк (-енёк)**, as shown in the suffix allomorph selection table.

Keywords: morphophonology; morphophoneme; stress; phoneme alternation; differentoid; allomorph.

Введение. Создать адекватную, полную, универсальную морфонологическую теорию довольно сложно, так как термин морфонология является одним из самых противоречивых в современной лингвистике. В него вкладывается различное значение, отсюда различный объём задач и проблем морфонологии. Противоречивость была свойственна морфонологии с самого начала её возникновения. Это объясняется, видимо, тем, что не был определен статус морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Вопрос о положении морфонологии в ряду лингвистических дисциплин до сих пор остается предметом споров, несмотря на то, что важность выделения морфонологии для изучения морфонологических особенностей в области морфологии и словообразования отмечается многими известными лингвистами (А. А. Реформатский, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, А. А. Зализняк, Т. В. Булыгина, М. В. Панов, Л. Блумфильд, Д. С. Ворт и др.). Пик исследования морфонологии приходится на 60–80-е годы XX века. Затем наступили годы забвения, но в настоящее время наблюдается явный интерес к морфонологической проблематике различных языков, касающихся как синхронного, так и диахронного описания морфонологических особенностей. Но в целом их всех объединяет несистемный подход к описанию морфонологических явлений. Как справедливо замечает И. Б. Иткин: «Любая научная теория должна оцениваться не сама по себе, а на основании результатов целостного описания той предметной области, к которой она применяется» (5, 30). Заслуга в выделении морфонологии как самостоятельного языкового яруса принадлежит одному из основателей Московской морфонологической школы профессору В. А. Редькину.

Цель исследования состоит в выяснении статуса морфонологии и объекта её исследования. В задачи исследования входит:

1. Изучить основной принцип, на котором строится понимание морфонологических единиц.
2. Описать типы морфонологических единиц.
3. Выяснить место аффикса в системе морфонологических средств русского языка.

В работе использовался в основном описательный метод, включающий такие приемы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретация.

Впервые о морфонологии как об особой лингвистической дисциплине, должной занять принадлежащее ей по праву место, заявил Н. С. Трубецкой, он видит в ней «связующее звено между морфологией и фонологией» (12, 116). В этой же работе Н. С. Трубецким были определены задачи морфонологии: «Полная морфонологическая теория состоит из следующих разделов:

- 1) теории фонологической структуры морфем;
- 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях;
- 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию» (12, 116–117).

Предшественником Н. С. Трубецкого был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Идеи Н. С. Трубецкого в значительной степени опираются на теорию И. А. Бодуэна де Куртенэ о дивергенциях и корреляциях (1, 265–347; 2, 163–174). Дивергенция — это чередования звуков, обусловленные фонетическим окружением; корреляция — это альтернативы, способные различать

морфологические значения. Взгляды Н. С. Трубецкого получили дальнейшее развитие у составителей «Projeta...». Они пытаются выделить самостоятельные морфонологические единицы, считая объектом изучения морфемой и альтернант.

«Морфонологическая альтернация. — Альтернация фонемы а) с коррелятивной фонемой, или б) с дизъюнкционной фонемой, или в) с группой фонем, или г) с нулевой фонемой внутри одной и той же морфемы в зависимости от морфологической структуры слова... Альтернанты. — Члены одной и той же альтернации... Морфонема. — Общая идея о совокупности двух или нескольких членов альтернации» (12, 11).

Однако пражцы не смогли отвлечься от конкретного вида фонемы. Отсюда они не могут решить проблему отождествления альтернаций с разным составом фонем. Различия типа *лечу́ — летíшь и люблю́ — лóбишь* рассматриваются ими как разные альтернации (15, 322).

Понятие морфонема много раз подвергалось критическому обсуждению. Мысль Н.С. Трубецкого возвести такие факты языка, как чередования типа <к-ч>, <з-ж> к «idees complexes» не приемлет А. А. Реформатский. Он критикует психологизм определения, хотя во многом его взгляды на морфонологию смыкаются с пражцами (10, 322; 11, 98–119). Более сочувственно относится к этой идее Т. В. Булыгина: «Поиски объективного инварианта чередующихся фонем привели Трубецкого к выдвиганию понятия морфеммы» (3, 73).

Но невозможность выделения такой единицы она видит в том, что морфемой нельзя определить в терминах дифференциальных признаков (3, 83).

В рамках Пражской школы морфонология так и не получила статуса самостоятельной дисциплины, так как единицы морфонологии определялись через фонему и морфему. Практически морфонология Н. С. Трубецкого оставалась фонологической теорией. В этом заключался её основной недостаток. В настоящее время существует несколько морфонологических школ (Американская дескриптивная школа, Школа порождающей грамматики, в которой выделяются два направления: синтетическое и аналитическое). Но ни в одной из школ морфонология не получила статуса самостоятельного языкового яруса со своим объектом исследования. И только в рамках Московской фонологической школы морфонология была выделена в самостоятельную дисциплину.

Признание статуса морфонологии даёт право на выделение автономных морфонологических единиц, не принадлежащих ни к уровню фонологии, ни к уровню морфологии. Эта задача решалась в рамках Московской фонологической школы.

Московская школа морфонологии. В основе формирования представления о морфонологической единице лежит идея тождества морфемы Московской фонологической школы. Смысл этой идеи в том, что морфемы считаются тождественными, если их различия выражаются в некотором правиле. Но правило, определяющее тождество морфемы, является морфонологическим. Если тождество морфемы выражает единство слова, то тогда морфонологическое правило является средством, выражающим и определяющим единство слова. В этом заключается смысл дальнейшей эволюции морфонологических взглядов. Исходная посылка Московской школы морфонологии в объяснении морфонологических средств создаёт тенденции к обособлению её в особый ярус языка со своими единицами. Как справедливо замечает А. А. Реформатский, «в

морфонологии есть свои позиции, но они не те, что для фонологии. Это очень интересная тема, о ней можно писать и докладывать» (9, 22).

Понятие морфонологической позиции дает основание для выделения автономных морфонологических единиц. Под позицией понимаются условия, определяющие реализацию и функционирование каких-либо единиц, характеризующихся определенными дифференциальными признаками (ДП). Эта задача решается в работах А. А. Зализняка и В. А. Редькина (4; 7; 7, 462–465; 8, 276–292). А. А. Зализняком было предложено удачное решение проблемы позиции ударения. Он, определяя «акцентную схему» как единицу ударения, предлагает в качестве ДП акцентной схемы понятие условного ударения. А. А. Зализняк считает условное ударение операционным понятием и средством наиболее экономного описания русского ударения. Однако условное ударение характеризует некоторые имманентные свойства русского ударения, которые могут быть описаны в терминах оппозиции и нейтрализации. Он определяет место ударения по двум параметрам: ударению исходной словоформы и по «условному ударению» дательного падежа единственного числа для имен существительных. По существу, акцентная схема А. А. Зализняка является прообразом такой морфонологической единицы, которая определяется по своим имманентным свойствам, а не через единицы других уровней.

Для завершения построения славянской морфонологии как системы необходимо включить в морфонологию такие же критерии отождествления и различения лингвистических объектов, какие были приняты в фонологии.

Попытка обосновать существование автономных морфонологических единиц и построить аналитическую модель морфонологической единицы с ДП, способными подвергаться нейтрализации, сделана В. А. Редькиным. Основным принципом, на котором строится понимание морфонологических единиц, является понятие варианта. Под ним понимаются объекты, различия между которыми сводятся к некоторому правилу (7, 10).

Ниже мы излагаем концепцию В. А. Редькина.

Содержание морфонологической единицы, её дифференциальный признак

Морфонологическая единица включает в себя альтернацию фонем, альтернацию ударения и альтернацию алломорфов. Поскольку имеется распространенное мнение о том, что морфонология не имеет своих имманентных признаков, а следовательно, и единиц, то следует подробнее остановиться на понятии ДП морфонологической единицы.

ДП морфонологической единицы при описании единства слова в плане выражения позволяет отвлечься от конкретного вида фонем или последовательности слогов и отнести к морфонологической единице слова с разным составом фонем или слогов. ДП морфонологических единиц различают морфонологические единицы.

ДП акцентной альтернации рассматривается как взаимосвязь двух оппозиций: различие ударения между разными морфемами и различие ударения внутри морфемы.

Различаются два ДП, которые на самом деле являются именем корреляции, т.е. именем класса оппозиций. Принципиальная возможность выделения ДП ударения как отражение корреляции была сформулирована В. А. Редькиным в одной из статей (8, 276–292), но не использовалась в книге (Редькин В. А. Акцентология современного русского языка. — М.,

1971), где он описывает акцентные единицы в терминах альтернации морфем — ударных и безударных. Альтернирующая морфема была единственной реальностью. В книге предлагается субстанциональный подход, в то время как в указанной статье — функциональный. Излагаемая ниже теория является выражением функционального подхода к альтернации ударения в русском языке.

Маргинальное ударение может быть начальным, противопоставленное ему внутренне ударение тогда падает на последний слог основы, ср. *óзеро* — *озёра*, *góловы* — *голóвка*. Эту корреляцию В. А. Редькин именует баритонированным ударением. Суть его в возможности различения ударения внутри морфемы. Эти различия возможны только в рамках основы, поэтому ударение на основе является дифференциальным баритонированного ударения. Значимость этого противопоставления впервые была отмечена А. А. Шахматовым в предисловии к книге Л. Л. Васильева (13, 3–10). Нейтрализацией маргинального начального и внутреннего ударений является неподвижное ударение на корне. Ее смысл состоит в отсутствии акцентной альтернации: *корóва* — *корóвы* — *корóве* и т.п.

Наряду с описанной альтернативой ударения в русском языке существует корреляция ударения, образуемая альтернативой маргинального конечного ударения и внутреннего. Маргинальное конечное ударение падает на флексию, а его противочлен — внутреннее ударение — падает на суффикс, ср.: *глуби́на* — *глуби́ны*, *роди́ла* — *роди́ли*. Нейтрализацией указанной корреляции является альтернатива маргинального начального ударения с маргинальным конечным: *ве́домости* — *ведомо́стям*. Смысл нейтрализации состоит в отсутствии противопоставления маргинального конечного внутреннему ударению. Акцентная альтернатива — маргинальное конечное — внутренне конечное — называется окситонированным ударением. Оно характеризуется невозможностью различия ударения в рамках данной морфемы и выражается либо ударением на флексии, либо ударением на основообразующем суффиксе.

Корреляция маргинального начального и внутреннего ударения соответствует понятию неконечного в книге В. А. Редькина, а корреляция маргинального конечного и внутреннего — понятию конечного (8, 6).

Неразличение, или омонимия, конечного и неконечного ударения возникает в случае отсутствия слога в основе или флексии (основообразующем аффиксе), например, *голóв* (нет слога во флексии), *злó* (нет слога в основообразующем аффиксе). В каждой из этих словоформ наблюдается омонимия баритонированного и окситонированного ударения.

Морфонологическими единицами ударения являются акцентные кривые и акцентные парадигмы.

«Акцентная кривая — это совокупность ударений словоформ некоторого множества слов, относящихся к данной части речи» (8, 6).

«Акцентная парадигма — это совокупность акцентных кривых производящих и производных слов» (8, 9).

Имеются две акцентные парадигмы (АП): неподвижная и подвижная. Неподвижная парадигма включает акцентные кривые слов, которые отличает словообразовательная неподвижность ударения. Под словообразовательной неподвижностью понимается такое соотношение однокоренных слов, при котором ДП ударения производящего тождественен ДП ударения производного, ср. *ма́сло* — *ма́слице*, *лакéй* —

лакёшика. Подвижная АП включает в себя акцентные кривые слов, характеризующие словообразовательно подвижностью ударения. Под словообразовательной подвижностью понимается такое соотношение однокоренных слов, при котором ДП ударения производного отличается от ДП ударения производящего хотя бы в одной словоформе, ср.: *скóвороды — сковорóд, брюхо — брю́шко*.

Несмотря на возможность интерпретации фактов в терминах ДП и их нейтрализации, мы работаем в терминах морфем и их альтернантов, ограничиваясь указанием на морфонологическую обусловленность позиции или независимость от позиции морфем и альтернантов. Под альтернантом понимается член любой альтернации, в том числе и акцентной. Ударение производных имён распределено по двум классам. В I классе возможно существование двух АП: неподвижной и подвижной. В тех случаях, когда ударение относится ко II классу суффиксов, то мы оговариваем, что ударение падает либо на финаль основы (слог основы, предшествующий словообразовательному суффиксу), либо на словообразовательный суффикс, либо на окончание. Для I класса суффиксов вопрос о месте ударения на основе не оговаривается. Имеется в виду, что в неподвижной АП ударение падает на тот же слог основы, что в производящем: *áнгел — áнгелóчек*. В подвижной АП оговаривается, на какую морфему падает ударение. Такое упрощенное описание позволяет избежать детализации по ДП и производить описание в терминах субстанции.

Дифференциальные признаки альтернативного ряда

Определяя морфему альтернации фонем (альтернативного ряда), В. А. Редькин исходит из термина Н. С. Трубецкого. При этом у Н. С. Трубецкого морфема трактовалась субстанционально. Отправной точкой для морфемы является не парадигма морфемы, а конкретный альтернант. В отличие от Н.С. Трубецкого морфема В. А. Редькина задаётся функционально. Функциональная трактовка альтернации должна состоять в том, чтобы описать корреляции альтернантов и дать им имена. Эти имена корреляций альтернантов будут ДП морфем.

Если представить, что фонемы в составе альтернантов являются вариантами, то содержание альтернанта бы свелось к парадигме, включающей в себя некоторое множество фонем, автономных с фонологической точки зрения, но тождественных с точки зрения морфонологии. Имена корреляций этих парадигм явились бы ДП морфемы. В этом случае ДП фонем, входящих в парадигму альтернанта, будут трактоваться как субстанции, или дифферентоиды альтернанта.

Классы альтернантов, предложенные в работах В. А. Редькина, являются именами парадигм альтернантов, а фонемы, входящие в эти парадигмы, — дифферентоиды альтернантов. Для определения дифферентоидов альтернантов достаточно четырех признаков фонем. Существенно то, что эти четыре признака релевантны для гласных, согласных и сонантов, а поэтому применимы для любой альтернации фонем: вокальность, консонантность, компактность, периферийность.

Значимость первых двух ДП фонем очевидна, но понятия периферийности и компактности нуждаются в пояснении.

Под компактностью понимается такая артикуляция, при которой отношение передней части полости рта к задней больше, чем у некомпактных фонем. Компактными являются фонемы /a/, /г/, /к/, /х/, /ч/, /ж/, /ш/, остальные фонемы некомпактны относительно фонемы /j?/.

Под периферийностью понимается такая артикуляция, при которой наблюдается большая, малорасчлененная полость рта, а препятствия потоку воздуха возникают на периферии полости рта. Периферийными являются фонемы /a/, /o/, /y/, /г/, /к/, /х/, /б/, /б'/, /п/, /п'/, /ф/, /ф'/, /в/, /в'/, /м/, /м'/. Остальные фонемы непериферийны. Фонема /j'/ нерелевантна по признаку периферийности и не участвует в морфонологических альтернативах. Таким образом, необходимым условием принадлежности фонемы к парадигме альтернанта является её релевантность относительно признаков компактности и периферийности. Нерелевантность фонемы относительно одного из этих ДП исключает её из парадигмы альтернанта.

Морфонологическими единицами альтернативации фонем являются альтернативный ряд и альтернативная парадигма. Альтернативный ряд — это альтернативы фонем, различающиеся признаком компактности или периферийности.

Аналогично АП можно выделить две парадигмы для морфем альтернативации: подвижную и неподвижную. В подвижной парадигме в словоформах производного имеется хотя бы один альтернат, отличающийся от альтернантов производящего периферийностью или компактностью: *бо́г* — *божѝ́к*, *у́лица* — *у́личка*. Выражение подвижной парадигмы морфем альтернативации на данном словообразовательном такте является позицией различения морфем альтернативации. Неподвижной парадигмой альтернативации фонем является такое отношение производящих и производных, когда существует обязательная заданность альтернанта без периферийного или компактного альтернанта, ср.: *да́вний* — *да́вность*, *дове́рчивый* — *дове́рчивость* и т.п. Если альтернат производящего тождественен альтернанту производного, то мы наблюдаем нейтрализацию морфем альтернативации фонем, ср. *мо́рда* — *морда́шка*.

Описав морфонологические единицы ударения и чередования фонем, мы можем дать предварительное определение морфемы как единице морфонологического уровня языка. Морфема — это класс ДП альтернатив ударения или фонем, характеризующий данный класс слов.

Место аффикса в системе морфонологических средств

Одним из объектов исследования будет выяснение роли аффикса: является ли суффикс членом морфонологических единиц или выходит за рамки морфем. Если окажется, что ударение, альтернатива фонем и суффиксы находятся на разных ступенях иерархии, то их надо считать разными единицами русского языка. Если же отношения необратимой предсказуемости построения звукового облика слова могут идти не только от ударения и чередования фонем к аффиксу, но и наоборот, тогда имеет место сложная система зависимости, при которой характер доминанции может меняться. Учитывая фузионный характер русского языка, можно представить такую ситуацию, когда ударение и класс альтернантов производящего предсказывают алломорф и когда алломорф может предсказать альтернатив ударения и альтернатив производного (вариабельность алломорфа). Тогда под алломорфом понимается конкретная манифестация варианта словообразовательного аффикса (см. ниже), который помимо сегментного элемента содержит в себе акцентные и альтернативные морфонологические характеристики, связанные между собой отношениями доминанции, например, каждый конкретный случай употребления *-ость(-есть)*, *-ота(-ета)*, *-ина*, *-изна* в соответствии с ударением и классом альтернантов в исходе слова является алломорфом словообразовательного аффикса. Если в производящем наблюдается ударение АА и I класс альтернантов (*г*, *к*, *х*): *упру́гий*, *а*, *о*, то возможен

только алломорф *-ость*: *упругость*, а *-ость* диктует в производном выбор альтернанта <Г> и определяет принадлежность упругость к неподвижной АП I класса ударения.

К сожалению, в связи с кончиной проф. В.А. Редькина его исследования в области морфонологии не получили полного завершения. Нами высказано предположение, что единицы, рассматриваемые как морфемы, и единицы, рассматриваемые как алломорфы, можно включить в некую, более широкую систему морфонологических единиц, тогда существует возможность разнонаправленной доминанции между ударением, альтернативой фонем и алломорфами, и алломорф следует рассматривать как член системы морфонологических единиц русского языка.

Альтернатива алломорфов аффиксов

Обычно под альтернативой алломорфов аффиксов понимают распространение исходных аффиксов интерфиксами. С этой точки зрения можно говорить о присоединении к *-ик* интерфиксов *-н-*, *-он-*, *-овн-*. Мы считаем, что под словообразовательным аффиксом, или морфемой, понимается множество алломорфов, которые находятся в отношениях вариантности и выражают некоторое словообразовательное значение, включающее сегмент, а также акцентные и альтернативные характеристики. В нашем случае речь идет о парадигме алломорфов словообразовательного суффикса. Члены парадигмы тогда являются вариантами. При этом инвариант определяется по семантическим основаниям. Под инвариантом понимаются те характеристики, которые остаются неизменными при всех последовательных изменениях объекта. Различия между вариантами сводятся к некоторым морфонологическим правилам. Тогда в парадигму с общим семантическим значением могут включаться алломорфы суффиксов, не содержащие общих звуковых компонентов. Так, например, *-ость(-есть)*, *-ота(-ета)*, *-ина*, *-изна* являются членами одной парадигмы, а следовательно, вариантами одного словообразовательного суффикса. Их инвариант состоит в том, что они образуют абстрактные имена женского рода от прилагательных. Морфонологические правила состоят в том, что если в производящем ударение АС и I класс альтернантов, то представлены алломорфы <*-ость*, *-ота*, *-ина*>, которые могут находиться в отношениях взаимозаменяемости: ср.: *высо́кость*, *высо́та*, *выши́на* (*высо́кий*, *-á*, *высо́ко*). В случаях свободной взаимозамены алломорфов в рамках данного варианта можно считать алломорфы дублетами: ср.: *высо́кость*, *высо́та*, *выши́на*. Если же имеются ограничения на свободную взаимозамену алломорфов, немотивированные морфонологическими правилами, то алломорфы не считаются дублетами. Понятие альтернативы алломорфов аффиксов будет применяться именно к описанию морфонологических правил выбора членов суффиксальной парадигмы.

Поскольку мы выделяем морфонологические единицы, то необходимо определить условия, в которых выражается их позиция. Если для фонемы позиция определяется словоформой, то для морфемы позиция определяется иерархией словоформ, т.е. словоформами, связанными отношениями необратимой предсказуемости каждого последующего члена предшествующим. Обычно такие отношения обнаруживаются в тех классах словоформ, которые в отечественном языкознании именуются словообразованием. Сюда относятся и те отношения, в которых словообразование некоторыми исследователями ставится под сомнение, например, образование деминутивов (14, 63–84).

Важно то, что при описании морфонологической предсказуемости словоформ можно отвлечься от семантической предсказуемости. Так, например, *ходить* — *ходатай* — *превосходительство* не обнаруживают очевидной семантической связи, но морфонологический облик этих слов жестко детерминирован. Как правило, изоморфизм между морфонологической предсказуемостью и семантической предсказуемостью при словообразовании и при формообразовании нарушается именно в области семантики. Слова *ходить* и *ходатай* не включаются в одно словообразовательное гнездо, так как они семантически разошлись. Однако с морфонологической точки зрения альтернатива корневой морфемы *ход*, выбор аффикса и ударения в слове *ходатай* выражают отношения морфонологической предсказуемости в отношениях между морфемами *ход* и *-атай*. Для морфонологии в данном случае имеет значение вычленимость морфем *ход* и *-атай*, а также корреляции их звуковых структур, а не семантические отношения словообразовательного гнезда. Морфонологические отношения имеют своими субстанциями те объекты, которые выделяются в процессе морфонологического членения, а не словообразования.

Морфонологическая предсказуемость образует некоторую последовательность тактов, в которой каждый последующий такт предсказывается все совокупностью морфонологических характеристик предшествующих тактов. При этом исходный такт является позицией морфонологически производного слова. Обычно морфонологически производное слово совпадает с производными словами, выделяемыми с точки зрения словообразования. Однако вследствие возможных нарушений изоморфизма между морфонологической и семантической иерархией следует допустить принципиальное различие словообразовательной и морфонологической производности. Так, со словообразовательной точки зрения слово *ходатай* будет производным, а с морфонологической будет производным.

Как будет показано на анализе деминутивов и абстрактных существительных, отношения между тактами являются позициями различения и неразличения (нейтрализации) ДП морфонологических единиц. При этом морфонологически производное слово является нулевой позицией. Класс морфонологически производных слов содержит в себе признаки морфем, свойственные данному грамматическому классу, и предсказывает свойства морфем последующих тактов, но не наоборот. На стыке каждой пары тактов, как правило, выявляется единственно возможный признак морфемы. Хотя возможны и такие ситуации, когда в данной позиции выявляется более одного признака, однако количество признаков в данной позиции также бывает строго детерминировано. Примеры такой детерминированной множественности признаков также будут описаны, например, от слова *широкий* возможны *широтá*, *ширинá*, *широкóсть*, но, как правило, от прилагательных на *-ок-* не образуются производные на *-изна*. Последние возможны только в словах, не обнаруживающих *-ок-* в основе морфонологического членения.

Таким образом, только в рамках Московской морфонологической школы морфонология получила статус самостоятельной лингвистической дисциплины со своими единицами. В основе формирования представления о морфонологической единице лежит идея тождества морфемы Московской морфонологической школы: морфемы считаются тождественными, если их различия выражаются в некотором правиле. Но

правило, определяющее тождество морфемы, является морфонологическим. Если тождество морфемы выражает единство слова, то тогда морфонологическое правило является средством, выражающим и определяющим единство звукового облика слова.

Морфонологическая единица включает в себя альтернацию фонем, альтернацию ударения. Она характеризуется определенным набором ДП.

Выделение морфонологии в самостоятельный языковой ярус со своими единицами позволяет описывать морфонологические явления системно. Наше исследование морфонологических особенностей словообразования деминутивов мужского рода определило следующую особенность. Оказалось, что суффикс функционально равнозначен ударению и чередованию фонем, что позволяет включить его в систему морфонологических единиц.

В этом заключается смысл дальнейшей эволюции морфонологических взглядов Московской морфонологической школы, основанной профессором В.А. Редькиным.

Использованная литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернаций. // Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т.1. — 384 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими. // Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-ство АН СССР, 1963. — Т.2. — 390 с.
3. Булыгина Т. В. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. — М., Прогресс, 1967. — 560 с.
4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Славянская культура, 2012. — 750 с.
5. Иткин И. Б. Русская морфонология. — М.: Гнозис, 2007. — 272 с.
6. Редькин В. А. Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — С. 462-465.
7. Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1971. — 223 с.
8. Редькин В. А. Дифференциальные элементы ударения в общеславянском и русском языках. // Проблемы фонологии и морфонологии. РС. — М.: ИНИОН АН СССР, 1974. — С. 276-292.
9. Реформатский А. А. Каков статус морфонологии, где границы между фонологией и морфонологией // Базисные проблемы фонологии (Ответы на вопросы). — Донецк, 1968. — С. 22.
10. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — 354 с.
11. Реформатский А. А. Ещё раз о статусе морфонологии, её границах и задачах. // Фонологические этюды. — М., 1975. — С. 98-119;
12. Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии. // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967. — С. 115-119.
13. Шахматов А. А. Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева // Сборник по русскому языку и словесности. — Т. 1, вып. 2. — Л., 1929. — С. 3-10
14. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 63-84.

15. Projet de terminologie phonologique standartisee. // TCLP. Vol. 4. — Pr., 1931. — C. 309–323.

References

1. Bodue`n de Kurtene` I. A. *Izbranny`e trudy` po obshhemu yazy`koznaniyu* (Selected works on General linguistics), Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, Vol. 1, 384 p.
2. Bodue`n de Kurtene` I. A. *Izbranny`e trudy` po obshhemu yazy`koznaniyu* (Selected works on General linguistics), Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, Vol. 2, 390 p.
3. Buly`gina T. V. *Tezisy` Prazhskogo lingvisticheskogo kruzhka* (Theses of the Prague Linguistic Circle), Moscow, Progress, 1967, 560 p.
4. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* (Russian nominal inflection), Moscow, 2012, 750 p.
5. Itkin I. B. *Russkaya morfonologiya* (Russian morphophonology), Moscow: Gnozis, 2007, 272 p.
6. Red`kin V. A. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka* (Grammar of the modern Russian literary language), Moscow: Nauka, 1970. pp. 462-465.
7. Red`kin V. A. *Akcentologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka* (Accentology of the Modern Russian Standart Language), Moscow: Prosveshhenie, 1971, 223 p.
8. Red`kin V. A. *Problemy` fonologii i morfonologii* (Problems of phonology and morphonology). RS, Moscow, 1974, pp. 276–292.
9. Reformatskij A. A. *Bazisny`e problemy` fonologii* (Otvety` na voprosy`) (Basic problems of phonology (Answers to questions)), Doneczk, 1968, p. 22.
10. Reformatskij A. A. *Iz istorii otechestvennoj fonologii* (From the history of Russian phonology), Moscow, 1970, 354 p.
11. Reformatskij A. A. *Fonologicheskie e`tyudy`*, Moscow, 1975, pp. 98-119.
12. Trubeczkoj N. S. *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok* (The Prague linguistic circle), Moscow, 1967, pp. 115–116.
13. Shaxmatov A. A. *Sbornik po russkomu yazy`ku i slovesnosti* (Collection of Russian language and literature), Vol. 1, ussue 2, Leningrad, 1929, pp. 3-10.
14. Shherba L. V. *Izbranny`e raboty` po russkomu yazy`ku* (Selected works on the Russian language), Moscow, 1957, pp. 63–84.
15. Projet de terminologie phonologique standartisee. // TCLP. Vol. 4, Praga, 1931, pp. 309–323.